

Глава 17. Свидетель чужой страсти: как открываются глаза

Когда Те Сюань вернулся, Цинь Вань всё ещё пребывал в глубокой медитации. Лицо его покрылось испариной, а над макушкой едва заметно вились тонкие струйки белесого пара. Даже человеку, не искущённому в боевых искусствах, было ясно: прерывать его сейчас нельзя.

Те Сюань хотел было что-то сказать, но, некстати вспомнив недавний холодный взгляд главы Циня, невольно вздрогнул.

Сказать по правде, кузнец и сам не ожидал, что Янь Нанью окажется не просто лекарем. Согласившись помочь, тот сразу выдал несколько целебных пилюль, которые Те Сюань должен был передать товарищу.

Положив лекарство на стол, Те Сюань немного подумал и оставил записку с пояснениями, как его принимать. Почерк у него был не бог весть какой — до изящных мазков Цинь Ваня далеко, — но в каждом штрихе чувствовалась сила молотобойца. Буквы выходили крепкими, уверенными, по крайней мере, вполне читаемыми.

Цинь Вань, казалось, ничего не замечал вокруг. Скрестив ноги на кровати, он медленно восстанавливал дыхание, даже не шелохнувшись.

Те Сюань собрал чистую одежду и тихо выскользнул из комнаты. А-Ю сказал, что отравление — дело хоть и не смертельное, но медлить нельзя. Он велел приходить в помывочную сразу, как только вещи будут готовы. Те Сюань ничего не смыслил во врачевании, но Янь Нанью был мастером, а значит, следовать его указаниям следовало беспрекословно.

Помывочная представляла собой небольшую пристройку у самого берега — многоугольное помещение, выкраенное при строительстве дома аккурат над проточной водой.

Когда Те Сюань добрался до места, Янь Нанью уже установил в углу массивную лохань. Она была до краев наполнена горячей водой, в которой плавали травы. Весь зал пропитался густым, тяжелым ароматом лекарственных сборов. Влажный пар висел в воздухе плотной пеленой, конденсируясь на стенах и делая очертания предметов расплывчатыми. Два узорчатых окна под самым потолком были плотно заперты, отчего в помещении стало совсем туманно.

Янь Нанью, сбросив верхние одежды и оставшись в простой белой нательной рубашке, помешивал варево длинным шестом.

— А-Ю... — Те Сюань замер в дверях, чувствуя себя не в своей тарелке.

— Пришел? — Янь Нанью поднял взгляд и указал на скамью, где лежало полотенце. — Клади вещи сюда. Раздевайся догола и лезь в чан.

— Ох! — Те Сюань торопливо разложил одежду и взялся за пояс, но тут же замялся. — А-Ю, я... я и сам справлюсь.

Лекарь негромко рассмеялся, качая головой:

— Брось скромничать. Залезай, мне еще нужно будет добавлять отвары и травы.

Проследив за взглядом Нанью, Те Сюань заметил в углу корзину с кореньями и огромный чайник. Ему стало неловко: в деревне мужики всегда мылись в реке всей гурьбой, и никому в голову не приходило стыдиться. С чего это он вдруг начал жеманиться?

Пытаясь сделать вид, будто лекаря здесь нет, Те Сюань, не поднимая глаз, быстро скинул одежду и юркнул в воду.

Вода оказалась обжигающей, но терпимой. Спустя мгновение тело привыкло к жару, и по мышцам разлилась приятная истома. Густой запах трав, поначалу резкий, теперь казался странно притягательным, почти благовонным.

Янь Нанью чуть наклонился, чтобы проверить температуру воды. Ворот его рубахи разошелся, приоткрывая полоску бледной кожи на груди. У Те Сюаня почему-то екнуло сердце, и он поспешно отвел взгляд. Лекарь лишь плеснул водой, выпрямился и ушел в угол за тяжелым чайником.

Вскоре Те Сюань понял, о чем говорил А-Ю. Стоило воде чуть остыть, как тот подливал кипящий настой, время от времени подсыпая в чан растертые в порошок травы.

Янь Нанью то и дело сновал туда-сюда: пробовал воду, уходил за горячей добавкой, возвращался. Те Сюань, наблюдая за ним сквозь пелену пара, чувствовал, как веки наливаются свинцом. Тишина и жар убаюкивали.

Наконец, влив последнюю каплю, лекарь оставил чайник в сторону и утер лоб. Его рубаха от пара и пота совсем промокла, прилипнув к телу, а на лице читалась усталость.

— Всё, теперь просто сиди, пока вода не остынет, — его голос звучал глухо в этом тумане.

Те Сюань, окончательно разморенный, едва слышно пробормотал:

— И так я избавлюсь от отравления?

Янь Нанью покачал головой:

— За один раз всё не выйдет. Нужно три дня... Можешь вздремнуть, я разбужу тебя, когда придет время.

Кузнец мотнул головой, хотел было еще раз поблагодарить, но сон навалился внезапно и беспощадно.

Этот сон был на редкость глубоким и спокойным — ни кошмаров, ни видений, только мягкое тепло. Даже аромат трав больше не казался чужим. Те Сюаню совсем не хотелось просыпаться.

Однако до слуха донеслись звуки. Тихие, едва различимые, но они заставили его сознание медленно выбираться из забытья.

— Перестань... Потерпи до вечера, вернемся в комнату и тогда... м-м-м... — кто-то вполголоса молил о пощаде.

Те Сюань с любопытством прислушался. Мозг работал вяло, но внимание уже зацепилось за странные шумы.

Его лохань стояла у самой стены, выходящей к реке. Всплески воды снаружи были привычными, ритмичными. Но здесь, в помещении, раздавалось нечто иное.

Чавкающие звуки, словно кто-то с аппетитом причмокивал, наслаждаясь деликатесом, перемежались с тихим плеском в другом углу. По идее, шум реки должен был заглушать это, но Те Сюаню казалось, что звуки гремят у него в самой голове.

Раздался влажный хлопок, и ленивый, разомлевший голос произнес:

— Ну же, Сяо Синь... У тебя сегодня такое чудесное настроение. Если ждать до ночи, ты ведь снова усыпишь меня, нажав на точки...

— Янь Цин... Глядя на тебя сейчас, я каждый раз задаюсь вопросом: ты и вправду лишился рассудка или только притворяешься? — в голосе Янь Нанью слышалась беспомощная горечь, смешанная с дрожью. В этой дрожи таился страх, но под ним — глубоко запрятанная, болезненная нежность.

Даже простодушный Те Сюань мгновенно понял: отношения А-Ю и «брatца Цина» куда сложнее, чем простая родственная связь.

— Сяо Синь, о чем ты? Когда это я был сумасшедшим? — в голосе Янь Цина прозвучали капризные, детские нотки. — Гляди, ты ведь и сам этого хочешь...

Наступила тишина. Дыхание Янь Нанью стало частым и прерывистым, в нем сквозило отчаяние.

— Верно... — прошептал он так тихо, что Те Сюань едва разобрал слова. — Разве безумец признает свое безумие? Ох... какой же я дурак...

— Сяо Синь, ты о чем? — Янь Цин, казалось, искренне удивился. — Давай же, давай поиграем...

Звуки возни стали громче. Веки Те Сюаня всё еще были тяжелыми, но воображение против воли рисовало перед глазами картину происходящего.

— Нельзя... Ты забыл? Здесь Те Сюань, он принимает ванну... — Янь Нанью пытался говорить твердо, но сорвавшийся стон выдал его с головой. У кузнеца внутри всё перевернулось.

— Тогда просто веди себя тихо... — голос Янь Цина не был похож ни на чей другой. В нем не было холода Цинь Ваня или мягкости Нанью. Это был чистый, первобытный соблазн. — Мы так давно не играли вместе!

— Ты... ах... не так быстро, ты же поранишься... — голос лекаря стал пугающе жарким, тягучим.

Те Сюань невольно вздрогнул. Да во что же они там играют?! Любопытство пересилило страх, он осторожно приоткрыл один глаз и тут же ослеп от белизны пара. Но сквозь туманную мгновенно застывшую дымку он увидел то, чего никогда не должен был видеть.

Янь Цин буквально обвился вокруг Янь Нанью. Сквозь марево его лица было не разобрать, но эти стоны, прерывистые вскрики и бормотание звучали как колдовское заклятье, лишаящее воли.

Янь Нанью больше не походил на того строгого и сдержанного лекаря, каким был днем. Рубаха на нем была распахнута и сползла до самых локтей. Каждое его движение вторило ритму Янь Цина. В чертах его лица, обычно бледных и невыразительных, теперь проступила такая порочная, живая красота, что от одного взгляда в душу закрадывались самые темные мысли.

Те Сюань поначалу даже не понял, что происходит. Может, они так лечатся? Но сердце подсказывало — нет, это не медицина.

Янь Цин властно перехватил подбородок Нанью и прильнул к его губам в жадном, долгом поцелуе. Те Сюаня словно молнией ударило. Он замер с разинутым ртом, не в силах пошевелиться. Не сон ли это? Он зажмурился, снова открыл глаза — видение не исчезло. До него наконец дошло: эти двое предаются любовным утехам, как муж и жена.

Но... двое мужчин? Разве так можно? Значит, вот какая между ними связь.

Вода в лохани всё еще грела тело, но Те Сюань вдруг почувствовал, что горит изнутри. Лицо пылало, в голове шумело.

Янь Цин вертелся и ластился к лекарю, как большой кот, то и дело причмокивая, заставляя Нанью сдавленно стонать и терпеть его неистовый напор.

Кузнец не смел шелохнуться. Он то зажмуривался от стыда, то снова, не в силах сдержаться, приоткрывал веки.

Пар в помывочной начал понемногу рассеиваться. Те Сюань твердил себе, что ему всё это чудится, что он просто перегрелся в горячей воде, но перед глазами с пугающей ясностью запечатлелась сцена: Янь Цин и Янь Нанью, сплетенные в едином порыве, пьяные от близости друг друга...

Внезапно Те Сюань испуганно сжался. Под водой, там, где раньше было лишь тепло, он ощутил странную, распирающую тяжесть.

— Что такое? — недовольно проворчал Янь Цин. — Сяо Синь, ты отвлекаешься. Неужто думаешь о том Цинь Ване, которого мы сегодня встретили?

Те Сюань мгновенно зажмурился, едва не выдав себя плеском воды. Инстинкт сработал быстрее мысли.

— ...Нет, мне показалось, что у Те Сюаня что-то плеснуло... — Движения затихли. Спустя мучительную паузу послышался ответ Нанью.

— Не выдумывай. Я подсыпал в его ванну добрую горсть сонной травы, его и пушкой не разбудишь, — Янь Цин снова принялся за свое. Нанью издал короткий, болезненный стон, который тут же утонул в чужом поцелуе. От этих звуков кровь у Те Сюаня окончательно прилила к голове.

— Ты... вечно ты зарываешься... — лекарь, кажется, не мог противостоять Янь Цину. Он лишь тихо упрекал его, задыхаясь, и в конце концов полностью отдался на волю своего спутника.

Те Сюань слышал их прерывистое дыхание, шорох тел. С закрытыми глазами воображение работало еще яростнее, рисуя детали с пугающей четкостью.

В душе кузнеца, словно росток сквозь камни, пробивалось нечто новое, пугающее и мощное.

Жар в помывочной, казалось, только нарастал, подпитываемый их страстью. Те Сюань боялся даже дышать полной грудью, лишь бы не выдать себя. А в аромате трав теперь отчетливо чувствовался другой, дурманящий запах, от которого кружилась голова.

Когда оба, одновременно выдохнув имена друг друга, замерли в изнеможении, в сознании Те Сюаня вдруг вспыхнуло лицо Цинь Ваня — тот самый миг, когда он поднял взгляд. Кузнец вздрогнул, тело его натянулось как струна, и в этот миг он пожалел, что вообще родился на свет.

В помывочной наконец воцарилась тишина. Те Сюань сидел ни живой ни мертвый, не смея открыть глаз и плотно сжав колени. Ему казалось, что его позор виден даже сквозь мутную воду.

— Сяо Синь... — лениво протянул Янь Цин. В его голосе чувствовалось сытое удовлетворение.
— Давай еще разок поиграем...

Янь Нанью негромко рассмеялся:

— Ночью. Время процедур почти вышло.

— Ночью так ночью, — буркнул Янь Цин, мгновенно развеселившись. — Но тогда всё будет по моему.

— Ох... — вздохнул лекарь. — И почему ты только об этом и думаешь?

Голос Янь Цина тут же стал тревожным:

— Сяо Синь, я просто предложил... Если не хочешь, не надо...

— Ладно, ладно, я не сержусь, — в голосе Нанью послышалась бесконечная усталость. — Когда же ты поправишься? Я так скучаю по твоей прежней властности.

— Сяо Синь, ты меня больше не любишь? Ты жалеешь? — голос Янь Цина сорвался на крик.

Те Сюань не выдержал и приоткрыл щелочку глаза.

— Нет, правда, поверь мне... — Янь Нанью, явно встревоженный, сжал плечи спутника.

Поскольку они сменили позу, теперь кузнец видел лишь узкую, жилистую спину лекаря. Зато лицо Янь Цина было как на ладони.

Нанью сидел на скамье, обнимая и успокаивая его. Янь Цин же, стоя перед ним на коленях и будучи выше головой, обхватил лицо лекаря ладонями. Он смотрел куда-то в сторону Те Сюаня и вдруг... жутковато улыбнулся.

Те Сюаню показалось, что этот взгляд прошел туман и вонзился ему прямо в лицо. В ужасе он снова зажмурился, притворяясь спящим. Спустя мгновение он рискнул глянуть еще раз — Янь Цин уже ластился к Нанью, уткнувшись ему в плечо. Неужели померещилось?

Пока Те Сюань в отчаянии гадал, когда же они наконец уйдут, А-Ю тихо промолвил:

— Янь Цин, оботрись и иди в комнату, не хватало еще простудиться. О ночи поговорим позже, мне еще нужно закончить с Те Сюанем.

Янь Цин нехотя поднялся. Его кожа, белая до синевы, заставила кузнеца снова зажмуриться.

— Сяо Синь, не сиди с ним долго. И не смей снимать рубаху, ты только мой...

Сердце Те Сюаня пропустило удар. Против воли он вспомнил фигуру Нанью. Тот был чуть ниже и изящнее Цинь Ваня, но не выглядел слабым — его тело было сухим и жилистым. Теперь, когда Те Сюань невольно насмотрелся на него почти без одежды, в памяти всплывали линии его мышц на спине.

Лекарь неловко кашлянул:

— Я планировал лечить его три дня, но решил взять в ученики. Сегодня закончим с прижиганием, я применю технику раскрытия каналов и оживления точек и научу основам циркуляции, чтобы он мог выводить отравление сам.

Те Сюань шевельнулся в воде. Открывать глаза он больше не собирался, но по звукам легко восстанавливал картину.

— Он же выглядит как полный дурак, зачем тебе такой ученик? — Янь Цин всю ворчал, пока Нанью помогал ему одеться. — С ним нам и поиграть-то будет негде...

Услышав последнюю фразу, Те Сюань вспыхнул так, словно его сунули в горнило. «Брат, умоляю, прекрати свои игры, ты меня в могилу сведешь!» — взмолился он про себя.

— Он не дурак. Он просто бесхитростный и слишком верит людям, — Янь Нанью медленно завязывал пояс на одежде друга. — Но если он за что-то берется, то идет до конца. Такие люди в боевых искусствах добиваются куда большего, чем мы с тобой...

Те Сюань замер. Впервые кто-то посторонний так в него верил. Вмиг все постыдные мысли улетучились, оставив лишь чувство гордости. После мастера, Те Сюань знал, что Янь Нанью был вторым, кто разглядел в нем нечто ценное. Кузнец дал себе зарок: какой бы трудной ни была эта наука, он выучит всё до последней буквы. Он не подведет А-Ю.

Янь Цин, видимо, притомился и больше не спорил. Проводив его, Янь Нанью постоял в тишине помывочной и тяжело вздохнул.

На этот раз Те Сюань не решился открыть глаза, даже когда услышал плеск воды и шорох ткани — А-Ю обтирался сам. Воображение тут же подкинуло образ его спины и того скорбного лица... В какой-то момент лица Цинь Ваня и Нанью начали путаться в его голове, и он перестал понимать, кого видит на самом деле.

Те Сюань снова вздрогнул. На этот раз не от испуга — вода окончательно остыла.

— Проснулся? — раздался мягкий голос Янь Нанью. Те Сюань резко открыл глаза, и ему показалось, будто мимо пронесся легкий ветерок.

Лекарь уже стоял перед ним, затягивая пояс на свежих одеждах. Полы его халата еще подметали пол.

Заметив, что ученик пришел в себя, Нанью взмахнул рукой. Поток воздуха распахнул окна под потолком, и пар мгновенно потянуло наружу.

В помещение ворвался холодный ночной воздух и шум реки. Те Сюань почувствовал, как по коже побежали мурашки, и дважды громко чихнул.

— Ложись на скамью, — Янь Нанью бросил ему полотенце, прикрыв лицо кузнеца. В его голосе слышалась легкая усмешка.

Те Сюань, понимая, что не блещет сообразительностью, покраснел и вытер нос.

— А-Ю... то есть, мастер, мне разве не нужно сначала одеться?

Лекарь перестал улыбаться.

— Я всего на несколько лет старше тебя, зови меня просто братом Янем. А наставник у тебя уже есть, я не собираюсь его подсиживать. — Он помолчал и добавил: — Буду ставить иглы, так что отбрось стыд.

Те Сюань кивнул, решив не жеманничать.

— Спасибо, брат Янь.

Нанью извлек откуда-то кожаный сверток и разложил его на скамье.

Кузнец увидел блеск серебра. Мамочки... В свертке ровными рядами лежали сотни игл — от крошечных до пугающе длинных.

— У тебя такой характер: если втемяшится что в голову, пойдешь напролом, — Янь Нанью задумчиво коснулся игл. — Ты сможешь освоить мои боевые техники, но вот медицина тебе не дастся...

Те Сюань рассудил и согласился. Лечить людей — это не мехами качать. В кузнице ты чувствуешь огонь и металл, опыт сам подсказывает, когда бить, а когда закалять. А тут — у каждого своя кровь, свои хвори. Он вспомнил, как в деревне лечили простуду: один кашляет так, другой эдак, и каждому свое зелье. Нет, такую науку ему не одолеть, это для умных людей, вроде Цинь Ваня или самого А-Ю.

— Брат Янь, если ищешь ученика для медицины, возьми Цинь Ваня. Он умный и мастер знатный... — чистосердечно предложил Те Сюань.

Однако Янь Нанью лишь покачал головой:

— Нет, Те Сюань. У Цинь Ваня слишком большие амбиции. Глядя на него, не скажешь, что он человек широкой души. Мое искусство не для таких, как он.

Если бы это сказал Тысячерукий Будда, Те Сюань бы поспорил. Но словам Нанью он поверил сразу. Тот спас его, выхаживал, собирался учить... такой человек врать не станет.

— В общении с людьми иногда полезно прикинуться дурачком, — Янь Нанью жестом велел ему лечь, а сам принялся выбирать иглы. — Но не думай, что одной лишь покорностью можно заслужить уважение.

Те Сюань окончательно запутался:

— Но старики в деревне всегда говорили: будь терпим, уступай, и люди к тебе потянутся. Разве это не путь к уважению?

Янь Нанью вдруг переменялся в лице. Его взгляд стал острым, как лезвие меча.

— Почему? Потому что на добрых людях ездят верхом. Если за твоей спиной нет истинной силы, твоя доброта — лишь пустой звук.

Лекарь сосредоточился, собирая внутреннюю энергию. Его рука задвигалась с быстротой молнии. Когда он снова замер, Те Сюань увидел, что между его пальцев зажато несколько длинных игл. Кончики их были тонкими, как волос, и подрагивали от малейшего дуновения.

<http://bllate.org/book/17419/1657836>